

Анна Анатольевна Забяко
(Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия)

Андрей Павлович Забяко
(Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия)

Фольклор как основа сохранения русской идентичности в китайской среде (по материалам Трехречья)¹

Folklore as a base maintenance of the Russian identity in the Chinese environment (based on the materials of Trekhrech'ye)

Резюме: Статья посвящена этнокультурным стратегиям сохранения русской идентичности в китайской среде. В центре внимания авторов статьи — русские, проживающие в Трехречье, районе на Северо-Востоке Китая. На основе полевых исследований русскоязычного населения Трехречья авторы приходят к выводу о том, что для этой этнической группы одной из важнейших основ сохранения русской идентичности является язык и фольклорные жанры. В статье публикуются и анализируются ранее неизвестные фольклорные тексты, а также тексты, ранее бытующие на территории российского Забайкалья, Восточной Сибири, а в настоящее время популярные только среди русского населения Трехречья.

Ключевые слова: русские, миграции, эмиграция, Трехречье, Китай, культура, литература, язык, фольклор, историческая память, этнокультурная идентичность.

Summary: The article deals with ethno-cultural strategies of maintenance of the Russian identity in the Chinese environment. The authors focus on the descendants of Russian emigrants who live in Trekhrech'ye (Sanhe), the district in the north-east of China. Field studies of the Russian-speaking population of Sanhe led the authors to the conclusion that the language as well as folklore genres are one of the most important bases of maintenance of the Russian identity for this ethnic group. Previously unknown folklore texts and the texts earlier prevailing in the territory of the Russian Transbaikal and Eastern Siberia, now popular only among the Russian population of Sanhe, are published and analyzed in the given article.

Key words: Russians, migrations, emigration, Sanhe, China, culture, literature, language, folklore, historical memory, ethno-cultural identity.

Западная ветвь русской эмиграции, сосредоточенная, прежде всего, в крупных европейских центрах, отмечена известными политическими настроениями, углубленной религиозной деятельностью, выдающимися философскими и художественными произведениями. Литература западноевропейской и американской русской диаспоры явила широкий спектр произведений — как с точки зрения разнообразия жанров, так и с точки зрения художественных достоинств. Она хорошо изучена, хотя до сих пор в ней остаются малоизученные пласты, оставляющие возможность для обстоятельных исследований. При всех трагических обстоятельствах,

¹ Публикация подготовлена в рамках работы по гранту РФ «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», проект № 14-18-00308.

сопровождаящих русский исход на Запад в первой половине XIX в., встреча русской культуры с западной была вполне органичным и привычным взаимодействием двух соприродных духовных формаций (Агеносов 1998).

Восточная часть русской эмиграции долгое время оставалась в тени великого прошлого западноевропейской и американской диаспор русских эмигрантов. У этой ситуации были объективные и субъективные причины. Научных публикаций, посвящённых этой теме, практически не было. Однако в последние два десятилетия история и культура восточной и, прежде всего, дальневосточной ветви русской эмиграции стали предметом обстоятельных исследований и публикаций (Аблова 2003; Крадин 2001; Забияко, Эфендиева 2008; Забияко, Эфендиева 2009, Лешоко, Хисамутдинов, Забияко 2015).

В центре внимания исследователей оказался Харбин и отчасти другие поселения по линии КВЖД. Харбин заслуженно может претендовать на статус средоточия русской эмигрантской культуры Дальнего Востока. В Харбине и прилегающих станциях КВЖД в ходе нескольких волн заселения — добровольного или вынужденного — сложилась наиболее крупная русская диаспора, численностью которой достигала в 20–30 гг. XX в. более двухсот тысяч человек. Миграционные потоки принесли в Харбин из России представителей практических всех сословий и культурных страт — от «старорусских» крестьян–старообрядцев до рафинированной богемы, грезившей идеалами «серебряного века». Очень высоким был образовательный уровень населения, который опирался на традиции дореволюционного образования и поддерживался школами, гимназиями, институтами, научно–просветительскими обществами, музеями и т.д. Этому образовательному уровню соответствовал и уровень культурных запросов на музыку разных жанров, балет, театр и, конечно, в первую очередь литературу, словесность.

Словесное творчество на родном языке — неиссякаемый источник сохранения национальной исторической памяти, воспроизведения и развития языкового мышления, его комбинаторных возможностей — как в масштабах личности, одной семьи, так и целой диаспоры. Отсюда — тотальная власть литературы и «повальное увлечение» ею в харбинской образованной среде, а затем и шанхайской. Первым этапом стала «консервация» литературных моделей и образов предреволюционной поры — эпохи «серебряного века» (Забияко, Эфендиева 2008). А затем, на основе усвоенных и переработанных образцов, развилось свое, «региональное» направление литературы дальневосточной эмиграции, характеризующееся особой жанрово–стилистической, а главное — тематической спецификой (Забияко, Лешоко, Хисамутдинов, Забияко 2015: 141–360). В литературном творчестве дальневосточных эмигрантов сказалось их отношение к России и русскости, восприятие Китая и самих себя в инокультуре, стремление прояснить свои связи с культурой и литературой ушедшей России, западного зарубежья и новорожденной Советской России.

Как бы не сетовали впоследствии выехавшие из Китая писатели и поэты на свою изолированность от России, на отсутствие крупных талантов и порожденное этим «мелкотемье» литературных произведений (И.Ф. Русские записки 1937 № 1: 322–330; Крузенштерн–Петерек 1998: 65), они практически не были стеснены рамками идеологической цензуры в своем жанрово–тематическом поиске, не ограничены

в выборе литературных образцов и стилистической манеры. Молодые писатели и поэты развивались в атмосфере литературных объединений («Молодая Чураевка» в Харбине, «Понедельник» и «Пятница» — в Шанхае), в борьбе литературных поколений. В преемственности культурных и литературных традиций и стремлении к новому рождалось то уникальное самосознание дальневосточной эмиграции, что отличало ее уже в иных географических пределах — в Израиле, Канаде, России, Америке, Бразилии. Публикации, хоть и малотиражные, сочинений дальневосточных эмигрантов, издание огромного количества журналов и газет («Рубеж», «Рупор», «Заря», «Молодая Чураевка», «Луч Азии», «Гун-бао» и др.), в том числе — и для самых маленьких читателей («Ласточка», «Юный читатель „Рубежа”»), культурно-просветительская работа, осуществляемая различными организациями (ХСМЛ, театрами, кинематографом, например), наконец, образовательная среда русского Харбина (от первых ступеней начальных классов школ и гимназий до академических лекций университетских профессоров Политехникума, Коммерческого Колледжа и т.д.) позволили русским беженцам не только сохранить, но и развить весь тот культурный, литературный потенциал, что был накоплен до изгнания русским национальным сознанием.

Культура русского Харбина — впечатляющий образец культуры, сложившейся в дальневосточном порубежье на стыке русской и китайской культур. Харбинская культура демонстрирует отчётливо выраженную тенденцию к консервации русскости — так, как она была понята русской диаспорой. Важнейшим способом консервации и трансляции русскости, русской идентичности для харбинской диаспоры была литература и другие «высокие» формы культуры. Этнокультурная стратегия харбинской диаспоры не могла быть, однако, универсальным образцом для всех русских этнических сообществ, развивавшихся в китайской культурной среде.

Задолго до строительства Харбина и КВЖД в Северо-Восточном Китае, Маньчжурии, было положено начало формированию другого русского анклава. середине XVII в., когда значительная часть огромной территории современного Северо-Восточного Китая, Забайкалья и Приамурья ещё не имела закреплённого межгосударственными договорами статуса, на правобережье реки Аргунь, приток Амура, начали переселяться русские. Во второй половине века по условиям Нерчинского договора 1689 г. этот край официально отошёл к Китаю. Однако в силу удалённости от основной части Цинской империи и малочисленности населения правобережье Аргуни и, прежде всего, бассейн трёх её притоков — рек Ган, Дербул и Хаул оставались территорией, на которой временно или постоянно проживали русские. До середины XIX в. русское население было крайне небольшим. Оно состояло из промысловиков, казаков, уходивших из родных деревень российского левобережья Аргуни через границу в Китай с целью охоты и покоса сена, строивших там временное жильё — заимки, а также из беглых преступников, каторжан. Во второй половине XIX в. русское население начинает быстро расти и обустроиваться, отстаивая традиционные русские избы и закладывая деревни. Китайские власти этому не препятствовали, поскольку благодаря труду русских земледельцев и предприимчивости купечества край начал экономически развиваться, принося через налоги деньги в казну разорённой войнами Цинской империи. Русские деревни

становились пунктами притяжения для китайских крестьян, оседавших рядом с русскими, и местного монгольского, бурятского, тунгусского населения, включавшегося в обмен товарами и культурными навыками. Начал формироваться полиэтничный — преимущественно русский — анклав, получавший название Трёхречье (кит. *саньхэ цюй*).

В 20-х годах XX в. в Трёхречье существовало более двадцати основанных и заселённых почти поголовно русскими деревень (русские — 2130 человек, 92 %; китайцы — 200 человек, 8 % населения). Трёхречье входило в состав более крупного территориального образования, который назывался Барга (Хулуньбуир). В силу пограничного с Россией положения и присутствию КВЖД территория Барги тоже значительной мере была населена русскими (русские — 4619 человек, 46 %; китайцы — 22 %; другие этносы — 3110 человек, 32 %) (Кормазов 1928: 44—51).

События Гражданской войны и коллективизации были причиной роста в Трёхречье русского населения в 20–30-е годы за счёт беженцев и враждебных Советской власти, прежде всего, казачьих формирований. По разным данным, в 30-е годы здесь проживало около 20 тыс. людей, относившихся к группе русских. Увеличение миграционного потока за счет выходцев из России не привело, однако, в отличие от Харбина, к существенному изменению социокультурного состава населения: оно по-прежнему оставалось преимущественно казачьим и крестьянским, укоренённым в традиционной культуре русской забайкальской деревни.

Историческая судьба этого населения со времени конца гражданской войны представляет собой череду преодолений тяжелейших внешних испытаний. Жители Трёхречья страдали и от белогвардейцев атамана Семёнова, и от карательных набегов красных отрядов, совершавших рейды на китайскую территорию, и от японской военщины, захватившей Маньчжурию в 1931–1945 гг. Победа над Японией и образование КНР обернулись для русских Трёхречья вначале репрессиями по обвинению в пособничестве белым и японцам со стороны советской власти, арестами, насильной или полудобровольной высылкой в СССР; потом, в годы «культурной революции» и борьбы с «советским империализмом», — репрессиями со стороны китайских властей по обвинению в пособничестве СССР. Более 50-ти лет политический террор, демографические тиски, экономические тяготы, культурные и образовательные ограничения деструктивно воздействовали на русскую диаспору Трёхречья.

Удивительно, но она сохранилась. В настоящее время в Трёхречье существует несколько деревень, где живут потомки русских поселенцев, в основном — люди, родившиеся в смешанных браках («полукровцы», как они себя называют). По разным данным, к таким русским себя относит более тысячи человек (Тарасов 2014: 187–208.). Это люди в возрасте преимущественно старше 50-ти лет. Их образ жизни связан с деревенским укладом жизни и крестьянским трудом, в последние двадцать лет сочетающимися у некоторых с мелкой торговлей и обслуживанием туризма. Русских школ здесь нет уже более 50-ти лет. Многие жители старшего поколения не смогли из-за бедности многодетных семей, тягот послевоенных лет получить даже начальное или среднее образование в китайских школах, поэтому остались неграмотными или малограмотными. В условиях практически полной на протяжении сорока лет изоляции

от России, её языка, литературы, музыки и других сторон культуры потомки русских в Трёхречье, тем не менее, сохранили русское этническое самосознание и некоторые основы русской культуры.

В мае–июне 2015 г. авторами статьи (при участии Я.В. Зиненко, Чжан Жуаяна, Ван Цзяньлиня) были проведены полевые исследования в среде русских жителей деревень Трёхречья — Саньхэ (Драгоценка), Эньхэ (Караванная), Шивэй (Олочи), Лабдарин (ныне — город). Нами были опрошены десятки людей. Для осмысления проблемы основ сохранения русскости, русской идентичности наиболее информативными нам представляются материалы, собранные в процессе общения с некоторыми из них (15 человек): Иван Васильевич Самашедшев (92 г., 1923–2015 гг., Эньхэ), Владимир Самашедшев (59 л., 1956 г.р., Эньхэ), Тамара Васильевна Ерохина (76 л., 1939 г.р., Эньхэ), Екатерина Александровна Литвинцева (73 г., 1942 г.р., Эньхэ), Таисья Николаевна Петухова (84 г., 1931–2016 гг., Эньхэ), Василий Зоркальцев (71 г., 1944 г.р., Эньхэ), София Зоркальцева (70 л., 1945 г.р., Лабдарин), Галина Зоркальцева (68 л., 1947, Лабдарин), Андреева Мария Михайловна (73 г., 1942 г.р., Лабдарин), Елизавета Фомина (74 г., 1941 г.р., Лабдарин), Клавдия Ушакова (81 г., 1934 г.р., Лабдарин), Варвара Ушакова (70 л., 1945 г.р., Лабдарин), Галина Филюшина (58 л., 1958 г.р., Лабдарин), Павел Зоркальцев (Сунь) (ок. 35 л., Лабдарин), Лидия Коротникова (73 г., 1942 г.р., Шивей).

Для темы нашего исследования важно, что большинство из них, хорошо владея русским языком, являются носителями русского фольклора. Современное бытование русского фольклора в среде русскоязычных потомков Трёхречья позволяет сделать любопытные наблюдения о том, какие жанры оказались наиболее востребованными в наши дни, какие сохранили для них свою не просто эстетическую привлекательность, но и языковую, этнокультурную информативность и содержательность.

В настоящее время на посиделках исполняются наиболее актуальные для этих возрастных групп жанры — песни и частушки (которые также можно рассматривать как короткие песни). Очевидно, что в подобном жанровом предпочтении сказывается и прагматика песенных жанров, и их эмоциональное воздействие: «Сказка — враль; песня — быль» (Л. Коротникова). При этом песни могут быть как фольклорного, так и литературного происхождения, но это не фиксируется исполнителями — тексты песен усваивались и передавались в течение десятков лет устно, со многими искажениями и добавлениями. К таким песням, например, относятся «По диким степям Забайкалья», «Зачём же я вас, родненький узнала...», «Варяг», «Как родная меня мать провожала...», «Рябина кудрявая», «Ой, цветет калина»).

Особый интерес с точки зрения её бытования в среде потомков русских эмигрантов представляет песня «Уходил я на фронт Жалайнора»:

*Уходил я на фронт Жалайнора,
На защиту советских границ,
Уходил я на фронт Жалайнора
На защиту советских границ.*

Уходил — мне жена говорила,

*Что «вернися обратно живым,
Я тебя никогда не забуду
И ты будешь навеки моим».*

*Много время прошло с расставанья,
Много писем писал я жене,
Я писал, что вернуса обратно,
Я не знал, что случиться беде.*

*Это дело был `о на рассвете,
Начинались [ниравны] бои.
Шел вперед я со своею тишихотай,
Рв`ались мины и слышен был бой.*

*Тут меня оглушило снарядом,
Я без памяти долго лежал.
Тут меня оглушило снарядом,
Я без памяти долго лежал.*

*Крикнул раз – поскорее товарищ,
Сильно болью свищало в ногах,
Крикнул раз — да поскорее, товарищ,
Сильно болью свищало в ногах.*

*Костылем тык я стучу Христа ради —
Пропустите калеку войны,
Дайте пару стаканов мне водки:
Порешился младой я жены!*

*С молодою женой любовался
Любовался ее красотой,
Наступило суровое время,
Нашу жисьь разлучило с тобой*

[К. Ушакова].

Очевидно, что песня была создана на советской территории и постепенно проникла в фольклор трехреченцев. Из реалий, зафиксированных в песне, следует, что речь идет о событиях августа-ноября 1929 г. — советско-китайском вооруженном конфликте на КВЖД (Чуйков 1983). Материалы архивной хроники свидетельствуют: 29.07.1929 на ст. Чжалайнон «разгрузился эшелон китайских войск. Всего на линии КВЖД китайцы сосредоточили до 5 полков пехоты» (<https://halhingol.ru/sovetsko-kitayskiy-vooruzhennyy-konflikt-na-kvzhd1929g>, 2015); 28.06.1929 был издан Приказ РВС СССР о создании Особой Дальневосточной армии (ОДВА). 28.08.1929 по данным советской разведки, в районе гг. Манчжурия — Чжалайнон было «сосредоточено 3 пехотные бригады китайских войск, 1 кавполк, 1 бронепоезд, 60 пулеметов, 60

бомбометов, 12 орудий». Постоянные вооруженные столкновения на советской и китайской территории, инспирируемые с обеих сторон, приводили к человеческим жертвам. При этом страдали, в первую очередь, мирные жители — достаточно вспомнить кровавые события в Трехречье 28.08. — 1.09. 1929 г. В эти дни безвинно уничтоженными войсками НКВД, переправившимися на территорию Китая, оказались целые казачьи поселки на территории Трехречья, жестокая расправа коснулась всех — от мала до велика.

В исполнении Клавдии Ушаковой это — «старинна-старинна» песня, ее сестра Варвара песню «не слыхала никогда». Исторический контекст песни вытеснен традиционной тематикой солдатской песни: муж приходит с фронта калекой, лишается любимой молодой жены. Чжалайнор (Жалайнор) становится той топонимической координатой, что ментально и эмоционально приближает содержание песни к переживаниям исполнительницы. А «защита советских границ» становится образом, отвечающим настроениям трехреченцев уже послевоенных лет — именно тогда и была усвоена песня нашей информанткой.

Приход советских войск на эти земли и освобождение от ненавистных японцев породили всплеск патриотических настроений в русской среде Трехречья. В 1945 году песенный запас трехреченских русских пополнился советскими песнями военной поры («Катюша», «На позиции девушка провожала бойца», «Вставай, страна огромная» и др.). В словоупотреблении знаменитой песельницы Трехречья Таисьи Николаевны Петуховой (Эньхэ) это — «ваши новые песни».

Сегодня некоторые новые песни приходят к трехреченским «русским» из Синьцзяна — от таких же полукровцев: «В Синьцзяне много русских. Они там разные метисы — с бурятами, с монголами» (В. Зоркальцев). Так пришла в Караванную «новая» песня «Шумит Байкал»:

*Шумит Байкал, шумит седой,
Волнуется, играет,
Мы рады встречать с тобой
Мой вольный край.
И там, где полно синих гор,
Я девушку видал.
У ней такой же синий взор,
Как у тебя, Байкал.
Хочу тебе я другом быть,
Всю правду рассказать,
Хочу я девушку любить —
Плечом к плечу стоять.
Вот едет поезд на восток,
На запад еду я,
Я знаю, будет жизнь стройна:
Не будешь жить одна.
Я буду девушку любить,
Как кончится война*

[В. Зоркальцев]

Исполнение и «старинных», и «новых» песен нашими информантами носит типологически сходный характер: часть реалий (топонимического, социокультурного, общеупотребительного характера) им абсолютно не знакома (например, название легендарного корабля «Варяг»), их «додумывание» сродни действию механизма «детской этимологии», например: «Врагу не сдается наш гордый *моряк*, / Пощады никто ни жилаит», «Гатовыи к бою орудия в ряд / На *солнце злодейства* сверкают!» [К. Ушакова]. «Солнце злодейства» — образ далеко не случайный, это — символ знамени японской армии, в сознании трехреченских русских — злейшего врага, так как от японцев они много пострадали в период «войны с японцами» в 1931–1945 гг.: «Я их не простила. И детям сказала — ни прашшу, и вам запыршшаю. И гоню ихых туристов, када они ко мне приходют» [Т.Н. Петухова].

Как следует из интервью с нашими информантами из Эньхэ, Шивэй, Лабдарина, наряду с лирическими песнями во время праздников трехреченские русские исполняли и исполняют частушки (припевки):

*Мой миленок — виноград,
Идет по улочке — играт;
Он — играт, а я — пою,
Висило в нашем краю!*

[Т.Н. Петухова]

Частушки по традиции пелись девушками да парнями, затем, с течением времени — женщинами либо мужчинами средних лет, теперь — в основном, «старушками», по их самоопределению, — стариков осталось немного.

Исполнение осуществлялось под балалайку и под гармонь («Гармоника играт — водки выпьем, ночь гуляим, утром уснем — уже солнце взойдет» [В. Зоркальцев]. В настоящее время осталась гармонь, но балалайка жива в «памяти текста» частушки:

*Балалаечка
Без струн,
Кто играет,
Тот дристун!*

[В. Зоркальцев]

*Ой, девки, беда:
Балалаечка худа!
Надо деньги копить —
Балалаечку купить!*

[В. Зоркальцев].

Частушка, по общему мнению, жанр «сиюминутный» — в нем отражаются личные чаяния и переживания сегодняшнего дня: любовные, социальные, политические и т.д. Ныне в Трехречье эта сиюминутность, злободневность частушки утрачена, современные реалии жизни не продуцируют массового рождения частушек, кроме следующих:

*Наша речка неглубока:
Видно камушки,
Наши девки не гуляют,*

Записались в бабушки.

[Т.Н. Петухова]

Как видно, сам механизм порождения частушечного текста сохраняется — в данном случае он построен на параллелизме и юмористическом уподоблении природных и антропологических реалий. Действительно, со временем река Хаул в Караганах (Караванной) обмелела, рыба из нее ушла; бывшие молодки постарели, «записались в бабушки».

Частушка может возникнуть в результате жанровой трансформации — например, из небылицы, совпадающей по ритмическим и синтаксическим параметрам с частушкой. Так, Таисья Николаевна Петухова в разговоре с нами вдруг спонтанно произносит речитативом:

Между небом и землю

Поросенок вился

И нечаянно хвостом

За небо зацепился!

И, смеясь, поясняет: — Так вот и я в Китае зацепилась!

Таисья Николаевна — известная по всему Трехречью «Таиска Петухова», единственная оставшаяся чистокровная русская (имеющая, к тому же, русский паспорт) — личность, не только хранила в памяти фольклорные тексты, но и была способна к импровизации по известным жанровым образцам. Обычно же при исполнении частушек в среде потомков русских эмигрантов Трехречья и исполнитель, и слушатель словно погружаются в атмосферу 50-х гг. прошлого века, когда сегодняшние «старушки» были еще молоды — с той поры корпус частушек пополнился мало. В целом жанрово-тематический репертуар популярных в настоящее время среди трехреченских русских частушек весьма разнообразен и репрезентативен с точки зрения их поэтики, региональной специфики, этнокультурной установки, отношения к *реалиям уже прошедшей эпохи* (военным событиям, работе в коммуне («совхозе»), обустройству личной жизни).

Самый большой корпус трехреченских частушек составляют любовные частушки, что вполне естественно для бытования частушечного жанра. В этих разнообразных по своей поэтике и композиционному строению текстах отражены переживания молодых девушек по поводу взаимоотношений с возлюбленным и замужества:

Хорошо ту травку косить,

Катора сама косица;

Хорошо тою любить,

Катора сама просица.

[Т.Н. Петухова].

Не ходи, подружка, замуж,

Под венцом не удержишь,

Руки под венцом распустишь,

И свечу не удержишь.

[Т.Н. Петухова]

*Старый мостик изломался —
Новенький построился.
Старый милый отказался —
Новенький настроился!*

[Л. Корытникова]

*Через речку две дощечки
Мне кричали: упадешь!
С малых лет кого полюбишь —
За того не попадешь!*

[Л. Корытникова]

Предпочитаемый цикл любовных частушек — «Подружка», носящий диалоговую форму и имеющий в основном сатирический характер. Его слова известны информантам всех поселков, где собирались полевые материалы. В них высмеиваются разные стороны взаимоотношений между полами: характеры двух подружек, неверная подружка, уводящая возлюбленного, непутевый возлюбленный:

*- Подружка моя,
Давай садика садить,
Чтобы нашим ухажерам
Было весело ходить.*

*- Подружка моя,
Я не буду их садить,
Чтобы наши ухажеры
Перестали к нам ходить.*

*- Подружка моя,
У нас Санечка один.
Ты ревнуешь — я ревную,
Давай лучше продадим?*

*- Подружка моя,
Я как мы будем продавать:
Нам не стыдно с тобой будет
На базаре с ним стоять?*

[Т.Н. Петухова]

Нами были записаны юмористические частушки о межнациональных браках китайских мужчин и русских девушек. При этом сами исполнительницы (Таисья Николаевна Петухова, Клавдия и Варвара Ушаковы) замужем за китайцами, сестры Ушаковы рождены в межнациональном браке. Решающую роль здесь играет этнокультурная идентичность исполнительниц — они считают себя русскими. В частушках нашла отражение непривычность китайской кухни для русских женщин. Например, отсутствие в рационе китайцев привычного хлеба:

*Ой, милочка моя,
Почему ты похудела?*

- *За китайцем я была,
С пару манты ела*

[Т.Н. Петухова].

Или способность китайцев употреблять в пищу самые невообразимые для русского желудка продукты (в том числе, приготовление в некоторых провинциях — Гуаньчжоу, Гуаньдун мяса кошки; видимо, речь идет о выходцах из этих мест):

*Ты китаец, ты китаец —
Ты не русский человек,
Кошку жарил, хвост оставил
Своей женке на обед*

[Т.Н. Петухова].

Стоит обратить внимание — в частушке китаец оставил своей жене «хвост от кошки» — лакомый кусочек, так как хрящи в китайской кухне — любимое лакомство. Как видно, ироническому осмыслению подвергается только «инаковость» китайца, необычность его гастрономических пристрастий.

Разные привычки в быту также становились объектом юмористического изображения в частушке. Русским чистоплотным женщинам (их дочери сегодня — той чистоплотности подтверждение), возможно, претила определенная неряшливость их мужей-рабочих и крестьян:

*Я не раз и не два
В этой баньке парилась;
На китайцеву тужурку
Это зря позарилась!*

[К. Ушакова]

Хотя, возможно, в этой частушке речь идет о специфическом запахе чеснока, исходящем от китайцев, добавляющих чеснок почти во все блюда. В повести А. Несмелова *Драгоценные камни* есть характерный фрагмент, когда два русских молодца спускаются в «тесный трюм, где нестерпимо пахло чесноком», («в отравленный чесночной вонью трюм старого парохода»), чтобы полюбоваться на красивую девушку, желающую быть похожей на китаянку («Моя боится ламоза») и быстрее оттуда ретируются («Да и вонько тут, с души воротит») (Несмелов А.И. 2006: 482–483). Девушку, красящую волосы в черный цвет и сурмящую брови под китаянку, этот запах отнюдь не смущает.

В целом, этническая установка по отношению к китайцам у русских трехреченцев была позитивна — так, Таисья Николаевна Петухова на вопрос: «А как жили с китайцами-то?» отвечает, не задумываясь: «Хорошо жили, дружно». Незлобивый и созерцательный национальный характер трудолюбивых китайцев отражен в частушке:

*Тирьда по воду поехал,
Тирьда за угол задел,
Тирьда бочку опрокинул,
Тирьда песенку запел!*

[Т.Н. Петухова]

В популярных трехреченских частушках нашли отражение и события военных лет. Учитывая, что Трехречье постоянно находилось в «боевой готовности» — вначале революция и гражданская война, затем — печально знаменитая трехреченская резня 1929 г., когда с советской стороны был совершен бандитский налет на казачьи села и уничтожено все население отдельных сел от мала до велика (Гун-Бао № 843 8 окт. 1929; Колосова 1929), наконец, четырнадцатилетнее напряжение на российско-китайской границе с момента образования Маньчжу-диго — трудно идентифицировать время создания или усвоения частушек. Скорее всего, данная частушка возникла еще в годы гражданской войны:

*Стрелю, стрелю из винтовочки
Под самы небеса:
Не шевельте мою шмарочку,
Не делайте греха!*

[Т.Н. Петухова]

Следующая частушка типологически совпадает с частушкой довоенной поры, в годы Великой отечественной войны известной на территории советской Сибири и Забайкалья (Махнева, 2011), а после прихода Советской Армии в Китай усвоенной благодарными трехреченцами:

*Девушки, зима — не лето,
Не посеешь в поле рожь
Девушки, военно время —
Не полюбишь кого хошь.*

[Т.Н. Петухова]

Пришедшие вслед за этим реалии колхозной жизни также нашли отклик в песенном творчестве:

*Моя милка — трактористка,
Не угонишься за ней:
Вечером в клубу артисткой,
Днем — ударницей полей!*

[Л. Корытникова]

От чуткого сознания трехреченцев, бойких на язык, не укрылись и тяжелые страницы жизни их советских собратьев:

*Когда Ленин умирал,
Сталину наказывал:
Хлеб по пайке выдавай,
Мяса не показывай!*

[В. Ушакова]

Подведём итог. Исторические условия существования и социокультурные особенности русской диаспоры Трехречья обусловили то, что не литература и другие формы «высокой» культуры стали здесь основой сохранения русской традиции. Именно русский фольклор выполнял в Трехречье задачи фиксации, сохранения и трансляции исторической памяти, важнейших представлений о *своем* и *чужом*, *добре* и *зле*, *праведном* и *неправедном*, а также некоторых других компонентов этнического сознания. Укоренённость в фольклоре в немалой степени поддерживала

прежде и поддерживает сейчас языковую традицию русскоговорящего населения. Яркие фольклорные формы, четкость и выразительность смыслов фольклорных образов и сюжетов стимулировали в сообществе эмигрантов и их потомков стремление к сохранению важнейшего фундамента национальной идентичности — языка родной культуры. Свободно владея китайским языком как средством повседневного общения, билингвы Трёхречья в формах русского фольклора реализуют духовные потребности и выражают свою русскую идентичность.

Литература:

- Аблова Н.Е., 2003, *КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.)*, Москва.
- Агеносов В.В., 1998, *Литература русского зарубежья (1918-1996)*, Москва.
- Забияко А.А., Левашко С.С., Хисамутдинов А.А., Забияко А.П., 2015, *Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта*, Благовещенск.
- Забияко А.А., Эфендиева Г.В., 2008, *«Четверть века беженской судьбы»: художественный мир лирики русского Харбина*, Благовещенск.
- Забияко А.А., Эфендиева Г.В., 2009, *Меж двух миров: Русские писатели в Маньчжурии*, Благовещенск.
- И.Ф., 1937, *Эмигрантские писатели на Дальнем Востоке*, «Русские записки», Париж, Шанхай. № 1, с. 322-330.
- Кормазов В.А., 1928, *Барга: Экономический очерк*, Харбин: КВЖД.
- Крадин Н.П., 2001, *Харбин — Русская Атлантида*, Хабаровск.
- Крузенштерн-Петерев Ю.В. 1998, *Воспоминания*, «Россияне в Азии», № 5, с. 25-83.
- Махнева А., 2011, *Так работали, так добивались победы*, «Сибирский энергетик». 6.05. 2011.
- Тарасов А.П., 2014, *Русская национальная волюнтаристская идеология в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в приграничном Китае*, Общество и государство в Китае. Москва, Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), Т. XLIV, ч. 2, С. 187–208.
- Чуйков В.И. 1983, *Миссия в Китае*, Москва, с. 26.
<https://halhingol.ru/sovetsko-kitayskiy-vooruzhennyi-konflikt-na-kvzhd1929g>. [18.06.15]